

Рец. на: А.В. Лукин, П.В. Лукин. Умом Россию понимать: постсоветская политическая культура и отечественная история. М.: Весь мир, 2015. 384 с.

Ivan Krivushin

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Lukin, P.V. Lukin. Umom Rossiui ponimat': post-sovetskaia politicheskaia kultura i otechestvennaia istoriia. Moscow, 2015

Книга историка и специалиста по средневековой России П.В. Лукина, политолога и востоковеда А.В. Лукина привлекает внимание прежде всего фактом совместного творчества представителей двух разных наук и исследовательских традиций. Интересна она и в тематическом плане: основной вопрос, поставленный авторами, – в какой мере современная российская политическая система уходит корнями в историю, а более конкретно – действительно ли нынешний авторитарный режим связан с извечной склонностью россиян к авторитаризму. В то же время исследователи подняли методологический вопрос, каким образом следует изучать российскую политическую систему и российскую политическую культуру и возможна ли плодотворная работа политолога без глубокого знания российской истории и новейших подходов, используемых как в исторической, так и в других гуманитарных науках.

Книга фактически распадается на два содержательных блока. В рамках одного из них авторы последовательно критикуют политологов и историков, оказавшихся, по их мнению, в плену идеологизированных схем и теорий, оторвавшихся от истории и от исторических источников. Они делают это в форме опровержения целого комплекса мифов, ряд которых укоренился и в историографии, и в политологии. Они доказывают следующие положения:

1) авторитаризм не был сущностной характеристикой дореволюционной России, поскольку в её истории обнаруживаются мощные традиции самоуправления.

Отметим, что далее, в главе 4, авторы сделали вывод: «В некоторые исторические периоды (в частности, в самом начале XX в.) по уровню демократизации Россия была не только не позади, но и впереди ряда европейских государств» (с. 338);

2) нельзя говорить об «отсутствии влияния античного и византийского наследия на общественно-политическую мысль Русского государства» (с. 102), наличие же такого влияния свидетельствует о тесной связи России с Европой;

3) способ колонизации Северо-Восточной Руси принципиально не отличался от такового для других территорий Древнерусского государства, а в её городах существовал такой же вечевой строй, как и в прочих русских землях;

4) нет доказательств «существенного монгольского влияния на общественный строй Руси» (с. 108);

5) территориальная экспансия, имперская внешняя политика и большое пространство не могут считаться причинами российского авторитаризма. Более того, популярная в определенных кругах идея о том, что имперские тенденции подавляли на протяжении веков русское национальное начало, также не имеет под собой оснований;

6) коллективизм общинного быта не оказал влияния на российскую политическую культуру: во-первых, «уравнительная передельная община» – феномен лишь XVIII–XIX вв., обязанный своим возникновением крепостничеству; во-вторых, община не является по природе «антидемократическим» институтом;

7) частная собственность на землю существовала не только в Западной Европе, но также на Востоке и в России, даже в XVII в. (у чернососных крестьян), поэтому идея о свойственной Московской Руси власти-собственности («вотчинная теория») как основе российского деспотизма не выдерживает критики;

8) в дореволюционной России не существовало «демократической контркультуры»; вечевая демократия принципиально отлична от современной;

9) советский «тоталитаризм» не следует рассматривать как логическое продолжение извечного российского «авторитаризма».

Опроверяемые мифы, как утверждается в книге, базируются на фундаментальном представлении «о коренном различии Востока и Запада» – идеологическом конструкте, созданном на Западе в XVII–XVIII вв. и определившем отношение к России европейцев. Разбор каждого из мифов заслуживает гораздо большего внимания, тем более что авторы в ряде случаев признают сложность однозначного решения тех или иных вопросов, например, о наличии на Руси частной собственности (с. 127–128) или «феодализма» (с. 118–119); к тому же они подчёркивают трудности реконструкции политической культуры досоветского периода.

Но авторы, очевидно, стремились, скорее, обозначить общие пороки подхода западных и российских политологов к политической системе и культуре России и СССР: произвольный выбор исторических источников, отсутствие их скрупулезного анализа, игнорирование историчности изучаемых явлений, тенденциозный подбор фактов для подтверждения той или иной общей теории, осовременивание прошлого, автоматическое распространение представлений о западном обществе на российскую действительность, зависимость от идеологических конструкций. Эти явные недостатки, прежде всего свойственные российским политологическим исследованиям, с точки зрения авторов, вполне объяснимы: российская политология выросла преимущественно на базе бывших кафедр научного коммунизма, истории КПСС и марксистской философии (с. 212), и её представители в подавляю-

щем большинстве оказались незнакомы с методами и достижениями современной науки.

Что же касается конструктивного вклада авторов в дискуссию о российской политической культуре, то они сформулировали весьма важный вывод: «Хотя некоторые древние традиции и могут косвенно и опосредованно, значительно изменяясь через много поколений в процессе передачи, в каком-то виде сохраняться в течение длительного времени, они вряд ли способны предопределить характер современной политической культуры или даже серьёзно влиять на неё» (с. 151–152). По их мнению, «политическая культура каждой конкретной эпохи является продуктом сочетания эволюции культуры непосредственно предшествующего периода и внешних влияний. Она находится в процессе постоянного изменения... Преемственность в этих условиях тем слабее, чем дальше данная эпоха по времени отстоит от современности» (с. 148). Отсюда вытекает «задача гораздо более глубокого изучения систем представлений конкретных эпох» (с. 149).

Другой блок представляет собой попытку решения этой задачи применительно к политическим системам Древнего Новгорода (гл. 1), России эпохи Бориса Ельцина (гл. 3) и периода первых двух сроков президентства Владимира Путина (гл. 4). При анализе новгородского вечевого строя (с привлечением ганзейских документов и источников по истории западных славян) показана связь его происхождения с формированием Новгорода как города и утверждается, что этот режим не был демократическим в современном смысле слова ввиду отсутствия таких признаков, как «свобода личности, права меньшинства, политическая конкуренция» (с. 74).

При анализе политической системы постсоветского периода в качестве отправного пункта принято её определение Т. Грэмом и Дж. Уэдл как «клановой» (авторы называют её «электоральной клановой» (с. 266) и даже «бонапартистской» (с. 272–273)). При этом подвергнуто критике распространённое представление о политической истории 1990–2000-х гг. как о борьбе демократов-рыночников с консерваторами-коммунистами и дока-

зывается, что в условиях слабости новых демократических институтов «после самоликвидации советской структуры кланы естественным образом пришли ей на смену, заполнив создавшийся вакуум» (с. 231). Они являлись «осколками» прежней системы (с. 227) — «кликами», основанными преимущественно на территориальных или институциональных связях (с. 230). Авторы выделили пять типов постсоветских кланов: территориальные, институциональные, экономические, идеологические и криминальные (с. 232–238). В эпоху В.В. Путина «электоральную клановую систему» сменило «государство-клан» (с. 271), т.е. она ознаменовалась переходом к господству не нескольких, а одного клана. «В такой системе, — делают вывод авторы, — выборы из инструмента разрешения конфликтов между различными посттоталитарными кланами становятся средством обеспечения постоянного пребывания у власти представителей правящей группировки» (с. 271–272).

Одновременно с выявлением природы и сущности постсоветской политической системы в книге рассмотрены причины неудачи демократического эксперимента в современной России. Ошибкой коммунистов-реформаторов в конце 1980-х гг., говорится в ней, была попытка установить демократию, не подготовив для неё почву, т.е. без постепенной либерализации сверху. В итоге М.С. Горбачёв «ввел свободные выборы и в наступившем политическом хаосе утратил контроль над ситуацией» (с. 258). «Политическая практика постсоветской России показала, что скептицизм в отношении немедленного введения полномасштабной демократии вполне оправдан... Либеральная демократия в не готовом к восприятию этой формы правления обществе невозможна в принципе, потому и выборы здесь ведут либо к анархии, либо к новому авторитаризму» (с. 252).

Доказывая, что понимание неудачного опыта российской демократизации невозможно без анализа динамично меняющейся политической культуры, авторы попытались выделить её основные черты для постсоветского периода. По их мнению, для этого времени характерно в первую

очередь отсутствие представления о необходимости делить власть (с. 224) — именно оно обуславливало в 1990-х гг. стремление политических акторов к монополии на власть и невозможность реализации подлинного разделения властей (с. 239). Ещё одной особенностью постсоветской политической культуры, восходящей к «реальному политическому идеалу советского общества, сложившемуся ещё в сталинское время» (с. 339), названо представление о сильном государстве, «перераспределяющем ресурсы в пользу слабых, заботящемся о гражданах, но в то же время не вмешивающемся в личную жизнь» (с. 303): именно это представление обеспечило почву для установления в России 2000-х гг. «авторитарной и фактически однопартийной системы» (с. 310).

Многие выводы, сделанные авторами книги, кажутся мне вполне обоснованными. Но с некоторыми из них трудно согласиться. Так, представляется слишком оптимистичным тезис о значительном развитии демократии в России позднеимперского периода и о том, что «незавершённый прорыв к верховенству закона, разделению властей, реальной выборности власти был совершён во второй половине XIX — начале XX в.» (с. 371). Стоит ли говорить о «прорыве», учитывая умеренность реформ Александра II, последовавший за ними период контрреформ и далеко не линейное развитие российских политических институтов в начале XX в. (вспомним хотя бы Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г.)?

Достаточно уязвимым является тезис о «клане “Советов”» во главе с Русланом Хасбулатовым (с. 240), особенно учитывая выделенные на предыдущих страницах характеристики «российского клана» (с. 238), — речь может идти в лучшем случае о коалиции кланов, да и то с большими оговорками. Упрощённой представляется и оценка политической борьбы 1992–1993 гг. как противостояния «кланов-ведомств» (с. 240). Критика коммунистов-реформаторов конца 1980-х гг. за поспешность в проведении политических реформ, на мой взгляд, не учитывает ухудшавшейся политической и социально-экономической ситуации (с. весны

1988 г. процесс «перестройки» вышел из-под контроля и приобрёл во многом стихийный характер, а консервативное сопротивление реформам внутри аппарата усилилось). Можно ли было в тех условиях задержать демократизацию? Мог ли Горбачёв удержать власть, если бы не попытался демократизировать КПСС? И зависело ли развитие страны в тот момент только от решений политической элиты?

Авторы не всегда последовательны в своём подходе. Так, в главе 1 сведения из ганзейских документов о политическом строе Великого Новгорода (о его сходстве с политической организацией западноевропейских городов, см. с. 69) принимаются с полным доверием, а в главе 2 свидетельства других зарубежных источников о России ставятся под сомнение на том основании, что иностранцы «рассматривали её через призму собственной культуры и политических взглядов» (с. 142). С последним утверждением трудно не согласиться, однако почему такое сомнение не возникло при обращении к ганзейским источникам?

Иногда авторы не могут избежать недостатков, которые они столь решительно критикуют, в частности, порой пытаются искать в истории, в том числе далёкой, аналоги современных или недавних явлений и процессов. На мой взгляд, недостаточно корректными с исторической точки зрения являются аналогии между российской финансовой политикой XVII–XVIII вв. и экономическими реформами 1990-х гг., между откупной системой и постсоветской приватизацией, распадом Китая после революции 1911 г. и распадом

СССР в 1991 г. (с. 243–244), «аппаратной революцией» Сталина и установлением путинской «властной вертикали» (с. 306). Сравнение Венгрии (как более успешной с точки зрения демократизации страны) с Румынией (с. 254) оказывается уязвимым в свете политического развития Венгрии последних пяти лет при В. Орбане.

Некоторые недостатки анализа вполне естественны, поскольку речь идёт об интерпретации необычайно сложной исторической реальности. Выводы, сделанные авторами, должны восприниматься не сами по себе, а в контексте их общего посыла – о необходимости критического восприятия устоявшихся теорий и схем, серьёзного *исторического* изучения российской политической системы и политической культуры с опорой на источники, с использованием новейших исследовательских приёмов различных гуманитарных наук. «Постоянные повторения устаревших теорий и данных, глобальные обобщения на их основе представляют собой не современную политическую или историческую науку, но являются свидетельством удручающего невежества и научной лени. Тем не менее подобная деятельность стала занятием большого количества зарубежных и отечественных политологов. Реальные научные результаты может принести только глубокое изучение конкретных периодов на основе исторических источников и документов» (с. 152). В этих словах, на мой взгляд, и заключается главный пафос этой необычайно содержательной, яркой, провокативной книги, соединяющей научное исследование с жанром критического эссе.